

ДАНИЭЛА
СТИЛ

Герцогиня

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С80

Серия «Миры Даниэлы»

Danielle Steel
THE DUCHESS

Перевод с английского *Ф.Ю. Горобцова*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Janklow & Nesbit Associates, Cullen Stanley International Agency,
Inc. и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Стил, Даниэла.

С80 Герцогиня : [роман] / Даниэла Стил ; [перевод с английского Ф.Ю. Горобцова]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Миры Даниэлы).

ISBN 978-5-17-105940-8

Из роскошного родового замка — в грязь и нищету парижских улиц...

Из мишурного блеска парижского полусвета — в бурный, почти еще дикий Нью-Йорк...

Юная Анжелика Латэм даже не подозревала, что ей, дочери английского герцога, придется познать унижение, нищету и одиночество, а затем стать хозяйкой самого дорогого и знаменитого борделя веселого «города любви».

Но где, в каких краях и на каких берегах ей предстояло обрести любовь и счастье?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Danielle Steel, 2017

© Перевод. Ф.Ю. Горобцов, 2018

ISBN 978-5-17-105940-8

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Глава 1

Великолепный замок Белгрейв непоколебимо стоял в самом сердце Хартфордшира с шестнадцатого века. Без малого триста лет одиннадцать поколений рода Латэм бережно передавали его от отца к сыну. Нынешний владелец замка — Филипп Латэм, герцог Уэстерфилд — чтит традиции предков и содержал семейное достояние в образцовом порядке.

Земли поместья простирались далеко за горизонт — обширные леса, поля фермеров-арендаторов, большое озеро, изобилующее рыбой. Филипп управлял имением с юных лет, после того как его отец погиб во время охоты. Под бдительным оком хозяина замок и окрестности процветали.

Сейчас, в свои семьдесят четыре, герцог постепенно передавал познания в области рачительного ведения хозяйства старшему сыну, Тристану. Тот был явно готов принять титул герцога и взять

на себя заботы по управлению имением. Ему исполнилось сорок пять лет, он был женат и имел двух дочерей. Второй сын, Эдвард, в свои сорок два года не обзавелся ни супругой, ни законными детьми, хотя внебрачных наплодил немало. Точное число назвать не мог даже сам распутник. Азартные игры и вино интересовали его больше, чем последствия любовных походов. Таким образом, на Тристане и Эдварде мужская линия Латэмов пресекалась. И у Филиппа хватало поводов для размышлений и волнений.

Оба джентльмена были детьми Филиппа и его первой супруги, Арабеллы, приходившейся мужу троюродной сестрой и происходившей из графского рода. Она обладала весьма немалыми достоинствами — богатым приданым, безупречным воспитанием и красотой. Когда они обвенчались, Уэстерфилду было двадцать восемь, а невесте совсем недавно исполнилось семнадцать. Арабелла и молодой герцог составляли прекрасную пару.

Однако вскоре Филипп обнаружил, что за красивой внешностью жены скрывалась довольно холодная и не слишком приятная личность, все сильнее проступавшая с возрастом. Ее гораздо больше интересовала светская суэта, нежели жизнь собственного семейства. Когда Тристану

исполнилось семь лет, Арабелла скончалась от острой инфлюэнцы. Герцогу пришлось растить сыновей одному. Конечно, не без помощи гувернеров, вдовствующей герцогини — матери Филиппа — и обширного штата прислуги.

Многие пытались выдать своих дочерей за вдовца, но безуспешно. И только через двадцать лет после смерти жены герцог снова влюбился.

Мари-Изабель приходилась кузиной французскому королю Людовику XVI, казненному во время Французской революции. Дочь маркиза, представительница Орлеанского дома с одной стороны и династии Бурбонов с другой, она родилась в первый год революции. Ее родители вскоре сошли в могилу вслед за королем. Их замок сожгли дотла, все имущество разграбили. Маркиз, предчувствуя трагическое развитие событий, успел отправить Мари-Изабель в Англию к друзьям, оставив распоряжения на случай своей гибели.

Она была необыкновенно красива — белокурые волосы, огромные синие глаза, фарфоровый цвет кожи и восхитительная фигура.

Уэстерфилд тоже произвел на юную француженку большое впечатление. Спустя четыре месяца после знакомства влюбленные обвенчались.

Мари-Изабель полюбила Белгрейв так же сильно, как и ее супруг. Она участвовала в управлении домом и помогала менять обстановку в нем на более современную. Все в ней души не чаяли. В свои пятьдесят пять Филипп чувствовал себя рядом с Мари-Изабель мальчишкой.

Их жизнь текла словно в сказке, пусть и короткой. В первый год брака Мари-Изабель родила мужу дочь и умерла через два дня после родов. Анжелика оказалась очень похожа на мать, у нее были такие же светлые волосы и большие небесно-синие глаза. Потеряв жену, Филипп обратил всю свою любовь на дочь. Он повсюду брал Анжелику с собой и научил всему, чему учил ее братьев, а возможно, и гораздо большему. Анжелика унаследовала от отца страсть к Белгрейву, а также его управленческие таланты. Они часто советовались, как им поступить по делам имения, не раз Уэстерфилд слушался совета дочери и никогда не жалел об этом.

Обучали Анжелику дома, и благодаря гувернантке-француженке она прекрасно говорила на родном языке матери. Этого хотел Филипп.

Шли годы. Герцог старел, и Анжелика прекрасно о нем заботилась. Одним словом, она была идеальной дочерью.

Филипп испытывал угрызения совести, что редко вывозит ее в Лондон. Поездки в столицу отнимали у него много сил, а интерес к светской жизни он потерял давным-давно. В 1821 году состоялась коронация Георга IV. Филипп, приходящийся королю кузеном, был приглашен на церемонию и взял Анжелику с собой. Ей тогда было двенадцать лет. Юную леди поразили размах торжества и последовавших за ним праздничных мероприятий. Филипп вернулся в Хартфордшир изможденным, но, видя счастье в глазах Анжелики, о поездке не пожалел.

С тех пор Уэстерфилд часто думал о первом сезоне дочери, о бале, который ему предстояло организовать в особняке на Гросвенор-сквер. Как же ему не хотелось этого делать! Наверняка Анжелике сразу же найдется жених — иначе просто быть не могло. А Филипп еще не был готов с ней расстаться.

Несколькими годами ранее он позволил Тристану с супругой и дочерьми поселиться в лондонском особняке. Элизабет, жена наследника Белгрейва, вполне могла представить Анжелику высшему обществу. От герцога требовались только деньги. Однако Тристан и Эдвард испытывали нездоровую зависть к Анжелике, а ее мать

терпеть не могли и, пожалуй, даже ненавидели. Герцог горевал по этому поводу, и с каждым годом его беспокойство за дочь росло.

Согласно закону, титул, имущество и земли переходили Тристану — кроме небольшой доли денег и усадьбы под Белгрейвом, в которой жила вдовствующая герцогиня. Это причиталось Эдварду. Анжелике Филипп не мог передать ровным счетом ничего. Кроме того, согласно положению о наследовании Тристан не имел никаких обязательств перед сестрой. Герцог несколько раз выражал старшему сыну свое желание, чтобы тот заботился о единокровной сестре, например, позволил ей жить в большом доме во владениях Уэстерфилдов, называвшемся просто Коттеджем. Однако воздействовать на Тристана герцог никак не мог.

Многие бессонные ночи Уэстерфилд провел, пытаясь измыслить выход из бедственного положения, в которое могла попасть дочь. Его здоровье со временем отнюдь не крепло.

Уже целый месяц Филипп страдал от инфекции легких, и Анжелика была крайне обеспокоена. Стоял необычайно холодный ноябрь, и верная дочь распорядилась постоянно поддерживать огонь в камине в спальне герцога. Зимой в Бел-

грейве нередко случались заморозки, а в этом году снег выпал еще в октябре. Анжелика отчетливо слышала завывание могучего ветра снаружи, пока читала отцу, сидя у его постели.

В полдень в спальню заглянула миссис Уайт, экономка, и осведомилась о самочувствии герцога. Посоветовавшись, они с Анжеликой решили, что пора посылать за врачом. Так же считал и камердинер Филиппа, Джон Маркхэм, верой и правдой служивший своему хозяину еще задолго до того, как у герцога появилась дочь. Всех тревожило ухудшающееся состояние Уэстерфилда.

Домом управлял дворецкий Хобсон, соперничавший с Маркхэмом за внимание герцога. Но сейчас, в столь беспокойное для всех время, и он примирился с камердинером. Анжелика испытывала к слугам большую благодарность за их верность ее отцу, всеми любимому, доброму и очень доброжелательному хозяину. Эти же качества Филипп привил и дочери.

Анжелика знала каждого лакея, каждую горничную по имени, знала, чем живут конюхи и смотрители замка, была знакома с арендаторами отцовских земель и их семьями. При встрече она всегда интересовалась их жизнью, например, когда проверяла белье вместе с мис-

сис Уайт или выслушивала отчет о положении дел на кухне.

Кухарка, миссис Уильямс, была женщиной доброй, но правила своей вотчиной железной рукой, раздавала указания подчиненным, словно матерый сержант, и спуска никому не давала. Однако ее строгость в полной мере оправдывали отменный вкус и изысканность меню. Сейчас она искушала герцога его любимыми лакомствами, но вот уже три дня блюда возвращались на кухню нетронутыми. От такого зрелища на глаза кухарки наворачивались слезы. Она боялась, что это дурной знак. Те, кто видел Уэстерфилда, соглашались с ней.

Филипп выглядел ужасно и никак не реагировал на заботу, которой его окружили дочь и любящие слуги. Все, что он делал, — это спал, и больше ему ничего не хотелось. Это было на него не похоже. Пусть герцогу и исполнилось семьдесят четыре года, он всегда оставался энергичным, интересующимся решительно всем, что происходило вокруг.

После отъезда доктора Анжелика пыталась уговорить отца съесть суп, приготовленный миссис Уильямс, но герцог лишь вяло отмахнулся.

— Папа, прошу вас, попробуйте. Это очень вкусно, и вы сильно обидите нашу кухарку, если не отведаете хотя бы ложку.

В ответ герцог попытался что-то возразить, но не успел и слова сказать — долгий приступ кашля настиг его. Спустя пять минут он в изнеможении откинулся на подушки. Не было никаких сомнений — Филипп очень ослаб, как бы Анжелике ни хотелось верить в обратное. Отец уснул, пока она держала его за руку. Маркхэм несколько раз останавливался на пороге комнаты, тихо заглядывал внутрь и так же тихо уходил.

— Как чувствует себя его светлость? — спросил Хобсон, когда они встретились на кухне.

— Все так же, — с беспокойством ответил Маркхэм.

— Что же будет с юной бедняжкой? — вздохнула миссис Уайт. — Если что-то случится с его светлостью, судьба Анжелики окажется в руках братьев.

— К сожалению, ничего не поделаешь, — ответил Хобсон. Желал бы он не беспокоиться об Анжелике так же, как экономка, но не получалось. Он полагал, что лучшим для дочери герцога было бы выйти замуж до кончины отца, оставаясь под защитой супруга и с отцовским прида-

ным. Но Анжелика не появлялась в свете, хотя могла это сделать еще прошлым летом. Ни ей, ни Уэстерфилду этого не хотелось. Теперь, если отец не поправится, она сможет отправиться на свой первый бал только с Тристаном. Однако старший брат не испытывал интереса к ее будущему. У него было две дочери, сильно уступающие в красоте и обаянии тетушке. Анжелика была всего на год старше их и наверняка произвела бы сенсацию в свете — чего совершенно не хотели Тристан и его жена.

Вскоре после ужина Маркхэм вновь отправился проведать герцога. Тот по-прежнему спал, Анжелика едва притронулась к пище и явно недавно плакала. Конечно, она знала, что рано или поздно отец покинет ее, но была к этому не готова, и боялась, что страшный миг наступит совсем скоро.

Прошло еще три дня. Состояние Филиппа не ухудшалось, но и не улучшалось. Однажды ночью он открыл глаза и четко сказал Анжелике:

— Я желаю отправиться в кабинет.

Бодрый тон его голоса напомнил дочери те времена, когда отец был здоров, и она обрадовалась. Но если у герцога и появились силы, их следовало беречь.

— Не сегодня, папа. Ночь выдалась слишком холодная.

В небольшом кабинете, примыкающем к спальне, камин не разжигали, ведь герцог не покидал постель уже больше недели.

— Не спорь со мной, — строго возразил Филипп. — Мне нужно тебе кое-что вручить.

На мгновение Анжелика задумалась, не бредит ли он, но герцог выглядел полностью вменяемым.

— Папа, вы можете сделать это завтра, или скажите, что нужно, и я принесу.

Филипп молча отбросил одеяло и встал. В каждом его движении сквозила железная решимость. Боясь, что отец все же упадет, Анжелика бросилась к нему и подхватила под руку. Медленно ступая, они направились в кабинет.

Как Анжелика и опасалась, в комнате царил холод, словно они вышли на улицу. Однако отца это не остановило. Точно зная, что ищет, он подошел к одной из полок, взял толстый фолиант в кожаном переплете и тяжело опустился в кресло. Анжелика зажгла свечу на письменном столе и увидела, что середина страниц в книге вырезана. Из тайника Филипп вынул кожаный кошелек и письмо. После чего поставил книгу

на место и, опираясь на дочь, вернулся в постель.

— Анжелика, я хочу, чтобы ты спрятала эти вещи в безопасном месте, — произнес герцог, протягивая ей содержимое тайника. — Никому не рассказывай о них. Хочется верить, что, когда меня не станет, твой брат позаботится о тебе, но закон не на твоей стороне. Не трать деньги сейчас. Храни их до последнего и используй только в случае крайней необходимости. Если ты не захочешь оставаться в Белгрейве или по каким-то причинам тебе придется его покинуть, ты сможешь купить дом и жить, ни в чем себе не отказывая.

Филипп говорил будничным тоном о событиях, о которых Анжелике было даже страшно помыслить, но сам он думал о них беспрестанно.

— Папа, не говорите так! — со слезами ответила она. — Разве я смогу не захотеть здесь остаться, зачем мне покупать дом? Белгрейв — вот наш дом.

От речи отца у нее побежали мурашки. Она походила на испуганное маленькое дитя.

— Дочь моя, тебе не нужно читать письмо прямо сейчас. Прочти его после того, как я... покину тебя. Когда это случится, Белгрейв будет домом Тристана и Элизабет. Твоя жизнь станет зави-

сеть от их щедрости, протекать по их правилам. У них есть две дочери, о которых надо заботиться. Они не будут думать о твоём будущем, но о нём уже давно думаю я. Здесь двадцать пять тысяч фунтов — этого хватит надолго, если тратить их с умом. Моя дорогая, я искренне надеюсь, что Белгрейв будет твоим домом всю жизнь или хотя бы до замужества, но я не могу предвидеть будущее. Я попросил Тристана позволить тебе жить в замке или в Коттедже, однако мне все же будет спокойнее, если я буду знать, что у тебя есть собственные средства. Я препоручаю эти деньги тебе вместе со всей своей любовью. Письмо подтверждает — я выдал их тебе при жизни и они в твоём полном распоряжении.

По щекам Анжелики текли слезы, но отец действительно выглядел сейчас гораздо спокойнее, чем в прошлые дни. Она поняла, что мысли о её будущем не давали ему покоя, и, передав ей вещи из тайника, герцог испытал облегчение. Анжелика взяла кошелек и письмо, и отец с усталой улыбкой откинулся на подушки.

— Папа, мне не нужно все это, и вам не следовало напрягаться сейчас...

Анжелика знала: это его первый шаг на пути в мир иной, и она вовсе не хотела помогать ему